

Научная статья

УДК 94(47)063, 065, 066; 94 (574); 94 (575.1)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-20-31

Почекаев Роман Юлианович

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Россия

rpochekaev@hse.ru; ORCID: 0000-0002-4192-3528

**ГОСУДАРСТВО, ПРАВО
И СУД БУХАРСКОГО ЭМИРАТА
В «СБОРНИКЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ,
ТОПОГРАФИЧЕСКИХ И СТАТИСТИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ ПО АЗИИ»**

Аннотация. В статье анализируются сведения о Бухарском эмирате эпохи российского протектората, опубликованные в отчетах и статьях, вошедших в ценный и незаслуженно малоиспользуемый источник по истории азиатской политики Российской империи — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», издававшийся в конце XIX – начале XX в. для служебного пользования. Авторы публикаций, лично побывавшие в Бухаре в рассматриваемый период, дают характеристики государственного устройства, налоговой системы, правового регулирования ряда сфер правоотношений, судебного процесса. Несмотря на то что сбор и анализ именно этих сведений не являлся их приоритетной задачей, поскольку таковой была военная разведка, их информация представляется весьма важной для расширения нашего представления о политико-правовом развитии Бухары в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Российская империя, Бухарский эмират, протекторат, традиционное право и суд, записки путешественников, военное востоковедение.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00268/>, реализуемый на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Государство, право и суд Бухарского эмирата в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 20–31. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-20-31>

Original article

UDC 94(47)063, 065, 066; 94 (574); 94 (575.1)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-20-31

Pochekaev Roman Yu.

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

National Research University Higher School of Economics

Saint Petersburg, Russia

rpochekaev@hse.ru; ORCID: 0000-0002-4192-3528

**STATE, LAW AND COURT
OF THE EMIRATE OF BUKHARA
IN “THE COLLECTION OF GEOGRAPHICAL,
TOPOGRAPHICAL AND STATISTICAL
MATERIAL ON ASIA”**

Abstract. The article is an analysis of the information on the Emirate of Bukhara under the Russian protectorate fixed in reports and articles included into the valuable, but not widely used source on the Asiatic policy of the Russian Empire — “The collection of geographical, topographical and statistical material on Asia” published at the end of 19th – beginning of 20th c. as a series of classified publications. Authors of publications, who visited Bukhara themselves, give characteristics of state structure, taxation system, legal regulation of different area including the court and procedure. This information substantially supplied our knowledge about Asiatic states, regions and peoples from other historical sources. No doubts, gathering such information was not a priority task of the authors of publications included into “The collection”, but it seems to be of great importance to widen our idea of political and legal development of the Emirate of Bukhara during the studied period.

Keywords: Russian Empire, Emirate of Bukhara, protectorate, traditional law and court, travelers’ notes, military oriental studies.

Acknowledgments: the study was supported by grant № 23-18-00268 from the Russian Science Foundation, project “Justice in the security system and integration processes of peripheral regions of the Russian Empire (18th – early 20th century)”, <https://rscf.ru/project/23-18-00268/>, implemented at the National Research University Higher School of Economics.

For citation: Pochekaev R. Yu. State, law and court of the Emirate of Bukhara in “The Collection of Geographical, Topographical and Statistical Material on Asia” // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 20–31. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-20-31>

Введение. В 1868 г. Бухарский эмират оказался под протекторатом Российской империи, что существенно увеличило заинтересованность российских политических, военных и торговых кругов в укреплении позиций России в Среднеазиатском регионе. Для изучения ситуации по распоряжению имперских властей и по собственной инициативе

в эмират и сопредельные страны и регионы направлялось большое число дипломатических представителей, военных разведчиков, торговцев, журналистов и т. д. Результатом их поездок нередко становилась публикация дневников, путевых записок, статей, отчетов о различных сторонах жизни Бухары, включая и такую специфическую сферу, как правовая.

Многие из этих текстов были опубликованы и уже неоднократно служили источником сведений для исследователей истории российской политики в Средней Азии. Однако до сих пор специалисты уделяли довольно мало внимания такой разновидности этих источников, как официальные отчеты и аналитические материалы (записки и статьи) военных разведчиков, подготовленные по итогам их поездок с соответствующими целями в Бухару.

Ряд таких публикаций вошел в «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», который издавался Военно-статистическим отделом Главного управления Генерального штаба с 1883 по 1914 г. под грифом «Секретно». За это время было выпущено 87 томов и 9 добавлений, которые к настоящему времени имеются в открытом доступе, но, насколько можно судить, до сих пор не были в достаточной степени оценены как источник по истории ряда стран Центральной Азии. В это многотомное собрание вошли официальные отчеты и аналитические статьи российских военных разведчиков, которые лично посетили те страны и регионы, которые находились в сфере политических, военных и экономических интересов Российской империи, с целью получения информации, значимой для Военного министерства. Среди них имеется определенное количество и таких материалов, в которых нашли отражение интересующие нас сведения о правовых реалиях Бухарского эмирата.

Безусловно, большинство авторов упомянутых публикаций не ставили целью сбор информации о государстве и праве нового русского протектората. Они сосредоточивались на получении совершенно иных сведений: о климате, рельефе, транспортных путях и переправах, расстоянии между населенными пунктами и возможностях снабжения войск продовольствием и водой при перемещении по изучаемым территориям и т. д.

Тем не менее некоторые авторы уделяли внимание и другим вопросам, позволяющим сформировать представление о ситуации в Бухарском эмирате, дав общую характеристику основ его государственного и административно-территориального устройства, некоторых сфер правового регулирования, включая, в частности, налоговую и судебную системы. Эта информация может существенно расширить наши представления о правовых реалиях Бухары в эпоху российского протектората.

Во-первых, авторы анализируемых текстов лично побывали на территории эмирата и, таким образом, получили информацию из первых рук¹. Во-вторых,

¹ Исключение составляют работы А. С. Галкина и Д. А. Пославского, которые, помимо собственных наблюдений, ссылались и на другие источники, которые сами же указывают в начале своих работ, см.: *Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк района*

они составляли официальные отчеты по итогам поездок для своего руководства и, соответственно, включали в них наиболее достоверную информацию, какую могли получить. В-третьих, авторы побывали в разных регионах Бухарского эмирата², так что их данные позволяют выявить особенности политического и правового положения отдельных бекств в этом государстве.

В рамках исследования были проанализированы сведения капитана Архипова, побывавшего в равнинной Бухаре в 1883 г.; П. П. Матвеева, не единожды приезжавшего в Бухару в 1884–1887 гг.; И. Т. Пославского, совершившего разведывательно-дипломатическую миссию в Бухару в 1886 г.; М. Д. Евреинова, побывавшего в Бухарском эмирате в 1887 г.; Н. Н. Белявского, Ф. Н. Васильева, А. С. Галкина, Г. Г. Лилиенталя, А. С. Стеткевича и полковника Федорова, посетивших различные области эмирата в 1889 г.³ Именно в их записках нам удалось обнаружить весьма интересные сведения об особенностях государственного устройства и правового регулирования в Бухарском эмирате в период его пребывания под российским протекторатом.

Представляют ли эти сведения нечто «постороннее» в отчетах военных разведчиков, которых, как уже отмечалось, интересовали совершенно иные вопросы? Полагаем, что нет, поскольку информация о положении Бухарского эмирата и его отдельных бекств достаточно логично включена в тексты, составленные военными специалистами и, таким образом, дополняет основные сведения, сбором которых и занимались авторы отчетов. Знание текущей ситуации в регионе, через который мог пролегать в случае необходимости путь российских войск, позволяло оценить возможности снабжения солдат силами этого региона, предоставления рабочих рук или транспортных средств и т. д. Вместе с тем нельзя не принимать во внимание и широкий кругозор самих военных специалистов, которые порой выходили за рамки поставленных начальством задач и включали в отчеты сведения, интересные не только для военного командования, но и для других читателей, в первую очередь ученых, поскольку ряд упомянутых авторов с полным основанием может быть отнесен к военным востоковедам, известным и в научных кругах.

поездки офицеров генерального штаба Туркестанского военного округа в 1889 г. в Бухарском ханстве и в южной части Самаркандской области // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (далее — СГТСМА). Вып. LVII. СПб., 1894. С. 1; *Пославский [И. Т.] Бухара* // СГТСМА. Вып. XLVII. СПб., 1891. С. 1.

² В рамках настоящего исследования анализировались сообщения военных специалистов, побывавших в центральных областях Бухарского эмирата, так как сведения авторов «Сборника...» о ряде областей так называемой Горной Бухары и Западного Памира, также входивших в состав эмирата, но отличавшихся значительной политико-правовой спецификой, представляют собой предмет самостоятельного исследования.

³ Эти авторы, наряду с другими российскими разведчиками и исследователями Центральной Азии, представляют собой феномен, получивший в современной российской науке название «военное востоковедение», см. подробнее: *Басханов М. К.* Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М., 2005; *Колесников А. А.* Русские военные исследователи Азии. Душанбе, 1997.

Ход и результаты исследования. Поскольку большинство авторов проанализированных записок, как уже отмечалось, совершали поездки по различным регионам эмирата, статус центральных властей Бухары не был ими проанализирован достаточно подробно. Тем не менее они отмечают некоторые интересные детали об эмире и центральном аппарате управления.

Так, А. С. Галкин упоминает, что эмир управляет Бухарой «на основании постановлений шариата и законов обычного права»⁴, т. е. в полной мере учитывает особенности политико-правового устройства эмирата, которое регулировалось отнюдь не только нормами шариата, но и сохраняющимися правовыми обычаями и традициями домусульманского периода (адат). Впрочем, по сообщению М. Д. Евреинова, власть эмира «ограничивается каноническим мусульманским правом»⁵: надо полагать, этот исследователь опирался лишь на сообщения представителей местного населения, в глазах которых их повелитель являлся образцом мусульманского благочестия.

Эмир Музаффар (1860–1885), в отличие от своего сына и наследника Абдул-Ахада (1885–1910), предпочитавшего проводить время в г. Кермине, активно посещал свои владения. Так, согласно сообщению капитана Архипова, он пробыл в г. Шааре целый год, что повлекло значительное развитие городской торговли⁶.

Правитель эмирата являлся также высшим судьей: он выносил приговоры за государственные преступления — региональные правители по таким делам вершить суд не имели права⁷. Как отмечает М. Д. Евреинов, практически любое лицо могло пожаловаться эмиру, «доступ к которому незатруднителен», на злоупотребления беков, которых он также судил за их должностные преступления⁸. Помимо эмира высшей судебной инстанцией в Бухаре являлось собрание наиболее авторитетных казиев, которое, как сообщает И. Т. Пославский, пышно именовалось «высокое судилище могущественной и благородной Бухары»⁹.

Гораздо более подробно авторы записок характеризуют региональные власти, поскольку они имели возможность напрямую общаться с их представителями во время своих рекогносцировок по тому или иному бекству. В административном отношении Бухарскому эмирату была свойственна динамичность: в зависимости от отношения к тому или иному наместнику эмир

⁴ Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 26.

⁵ Евреинов [М. Д.] Рекогносцировка путей через Джамский перевал на Гузар и на Карши // СГТСМА. Вып. XXXVI. СПб., 1888. С. 128.

⁶ [Архипов]. Военная рекогносцировка равнины части Бухарского ханства, произведенная в 1883 г. г.-ш. капитаном Архиповым // СГТСМА. Вып. X. СПб., 1884. С. 174.

⁷ Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 27.

⁸ Евреинов [М. Д.] Рекогносцировка путей через Джамский перевал на Гузар и на Карши. С. 128. Впрочем, надо полагать, что «незатруднительный доступ» к суду эмира объясняется не его демократизмом, а лишь тем, что с его помощью монарх мог лучше контролировать региональных наместников.

⁹ Пославский [И. Т.] Указ. соч. С. 79.

мог менять границы бекства, произвольно включая в его состав те или иные селения, бесцеремонно изымая их из ведения соседних беков¹⁰.

Беки назначались лично эмиром. При этом в самых больших и стратегически важных бекствах — Шаарском, Гиссарском и Каршинском — наместниками становились либо родственники эмира, либо его самые доверенные приближенные¹¹. При этом эмир больше доверия демонстрировал именно последним, поскольку они зависели от него в большей степени, чем члены его собственного семейства. Так, при эмире Музаффаре гиссарским беком был его старший сын Тура-джан, который после воцарения эмира Абдул-Ахада был смещен по обвинению в жестоком обращении с местным населением и посажен под домашний арест в Бухаре, а новым беком стал влиятельный сановник Астанакул-аталык¹².

Беки являлись фактически независимыми правителями, власть которых практически никем не контролировалась. И хотя, как уже упоминалось, любой житель эмирата имел возможность пожаловаться монарху на злоупотребления бека, на деле это случалось крайне редко, и наместники пользовались доверием и покровительством эмира. Скорее исключением выглядело суровое наказание кабадианского бека, которого эмир Музаффар в начале 1880-х гг. сместил, повелел заковать в цепи и посадить в яму за грабежи и притеснение местного населения. Таким образом, последнее предпочитало жаловаться не собственным властям, а представителям российской администрации, пребывавшим на территории эмирата: после этого наместники начинали более осторожно относиться к жителям, заявляя, что это «люди дикие и их раздражать не следует»¹³.

Подобно тому как эмир назначал беков, сами они назначали амлякдаров — наместников мелких административно-территориальных единиц, включавших по нескольку селений. Амлякдары должны были собирать подати и обеспечивать порядок в своих владениях¹⁴. И в данном случае на должности, как правило, назначались родственники и ближайшие сподвижники беков, в зависимости от отношения которого амлякдарства могли быть больше или меньше. Некоторые из них насчитывали около 1600 жителей, другие — до 3000¹⁵. Впрочем, на количество и размер амлякдарств могли влиять и другие факторы. Так, в Каракульском бекстве до установления российского протектората над Бухарой их было двенадцать, а к началу 1880-х гг. осталось всего четыре из-за запустения территорий и снижения доходов населения по причине того,

¹⁰ Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 26.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Стеткевич [А. С.] Бассейн Каратаг-дарьи. Военно-статистический очерк 1889 г. // СГТСМА. Вып. LVII. СПб., 1894. С. 257; Либиенталь [Г. Г.] Гиссарское и Кабадианское бекства // СГТСМА. Вып. LVII. СПб., 1894. С. 314. При этом А. С. Стеткевич отмечает, что при прежних порядках бывшего бека сразу же зарезали бы, но теперь благодаря влиянию России он отделался арестом. Г. Г. Либиенталь называет Астанакула дядей эмира.

¹³ Либиенталь [Г. Г.] Указ. соч. С. 314–315.

¹⁴ Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 27.

¹⁵ Стеткевич [А. С.] Указ. соч. С. 258; Федоров. Статистический очерк Гузарского бекства и части Келифского // СГТСМА. Вып. LVII. СПб., 1894. С. 159–160.

что вода Зеравшана, ранее питавшая этот регион, стала больше использоваться населением русского Самарканда и его округи¹⁶.

Едва ли не основной обязанностью беков и амлякдаров являлся сбор налогов. Налоги делились на две категории: в казну эмира и в пользу региональных правителей. А. С. Галкин не без оснований сравнивает положение беков со статусом русских воевод допетровского времени, направлявшихся в тот или иной регион на кормление¹⁷. В самом деле, беки не получали жалование и должны были содержать за собственный счет не только себя, но и своих чиновников: амлякдаров, джигитов (телохранителей), аксакалов и др. В результате каждый бек получал вверенный ему регион фактически на откуп: ему следовало направлять в казну эмира определенную сумму деньгами или натурой, а далее он сам определял, сколько ему следует взыскать с местного населения в собственную пользу.

Основными налогами были херадж, танапный сбор и зякет. Херадж (харадж) представлял собой налог с урожая, формально составлявший от 1/10 до 1/5 от собранного зерна, но фактически нередко существенно превышавший эту ставку, естественно в пользу бека и его чиновников. Например, в Шаарском бекстве, как сообщает капитан Архипов, херадж составлял до 1/3, а в Келифском — 1/8. В Гузарском же бекстве ставка хераджа зависела от давности владения землей (к сожалению, конкретных условий исследователь не уточняет)¹⁸.

Танапный сбор определялся уже в зависимости не от урожая, а от площади земельного участка плательщика. При этом его ставка различалась в зависимости от вида облагаемой продукции. Так, за дыни платилось 20 таньга с 30 танапов, за садовые фрукты — 18–20 таньга с 1 танапа, за клевер — 6 таньга с одного танапа и т. д.¹⁹

Зякет представлял собой своего рода налог на доходы физических лиц и составлял 1/40 часть с урожая, прироста скота, и в особенности с проданных товаров. И хотя считалось, что этот налог должен был идти на благотворительные цели, фактически он составлял значительный источник доходов беков и эмира. Особенно строго регулировался сбор зякета с торговцев, шедший непосредственно в эмирскую казну; его контролировал лично кушбеги — первый министр эмира²⁰.

Что касается зякета с других доходов, то предоставление права его собирать стало для эмира еще одним средством продемонстрировать покровительство тому или иному беку: если наместник находился в милости, монарх мог передать ему сбор зякета в том или ином амлякдарстве, формально входившем в состав другого бекства. Так, например, в Гузаре зякет собирал бек из Шаара,

¹⁶ [Архипов]. Указ. соч. С. 221.

¹⁷ Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 26.

¹⁸ [Архипов]. Указ. соч. С. 177, 182.

¹⁹ Васильев [Ф. Н.] Статистические материалы для описания Бухары. Бекство Ширабадское и часть Байсунского // СГТСМА. Вып. LVII. СПб., 1894. С. 401.

²⁰ [Архипов]. Указ. соч. С. 183; Евреинов [М. Д.] Рекогносцировка путей через Джамский перевал на Гузар и на Карши. С. 128.

а байсунский бек — в Яр-Тепинском амлякдарстве, входившем в состав Яккабагского бекства²¹.

Помимо фиксированных сумм сборов, с каждого бекства эмир также получал таксан-турсук, т. е. подарки, преподносимые ему в знак почтения каждым беком. В зависимости от размеров и благосостояния бекства в подарок включалось определенное число лошадей «с убором», ковров и халатов — чаще всего девять, но по желанию эмира могло составлять и «пять раз по девять», т. е. 45²².

В пользу беков, помимо излишков с основных налогов, шли также сборы за переправы: 1 таньга — с груженной лошади или верблюда, 1/4 таньга — с ишака, 10 таньга — за переправу сотни баранов²³. Кроме того, беки вводили и собственные налоги, шедшие исключительно в их пользу: базар-пул — за продажу крестьянами выращиваемой сельскохозяйственной продукции; диван-пул — вознаграждение сборщикам податей; чабар-пул — на содержание джигитов; бадж — за провоз товаров через границу бекства; десятина — с наследуемого имущества; сбор со свадеб и др.²⁴

Отметим, что разные военные исследователи по-разному оценивают налоговую систему Бухарского эмирата. Так, капитан Архипов полагает, что «по размеру податей, платимых народонаселением, легко определить количество земли», тем самым несколько идеализируя деятельность сборщиков налогов и считая, что они «стеснены шариатом-законом, освященным для каждого мусульманина»²⁵. Другие же авторы гораздо более реалистично оценивают состояние налоговой системы, ярко характеризую злоупотребления эмирской администрации, чаще всего выражавшиеся в существенном превышении ставок налогов, предусмотренных шариатом или установленных эмиром, присваивании штрафов и даже откровенной конфискации части имущества разбогатевших торговцев²⁶.

Некоторые исследователи упоминают и об ухищрениях самих жителей, чтобы не платить слишком большие налоги. Так, Н. Н. Белявский пишет, что шаарскому беку и его агентам приходилось ездить по своим владениям, где они «стараятся настигнуть стада»²⁷, видимо перегоняемые владельцами

²¹ Белявский [Н. Н.] Описание обрекогносцированного участка, заключающего пройденные пути в пределах Шаар-Сябиз Гузарского бекства и части нагорной Дербентской возвышенности // СГТСМА. Вып. LVII. СПб., 1894. С. 108. См. также: Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 28.

²² [Архипов]. Указ. соч. С. 188; Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 26–27.

²³ [Архипов]. Указ. соч. С. 198, 210; Васильев [Ф. Н.] Указ. соч. С. 400.

²⁴ Стеткевич [А. С.] Указ. соч. С. 258–259. Любопытно отметить, что сбор «бадж» как разновидность дорожной пошлыны взимался еще в тюрко-монгольских государствах XIV–XVI вв., см. подробнее: Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань, 2022. С. 180–181.

²⁵ [Архипов]. Указ. соч. С. 193, 210.

²⁶ См., напр.: Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 27; Стеткевич [А. С.] Указ. соч. С. 259.

²⁷ Белявский [Н. Н.] Указ. соч. С. 108.

с места на место. А. С. Галкин отмечает, что население скрывает зерно после уборки урожая и о его уровне можно судить лишь по торговым караванам с излишками зерна, которые отправляются на базары в ближайшие города²⁸.

От уплаты налогов освобождалось вакуфное имущество — земли или заведения, доходы от которых по распоряжению (или завещанию) их собственника шли на благотворительные цели. Н. Н. Белявский достаточно подробно описывает Лянгарский вакф, расположенный в Яккабагском бекстве. По его сведениям, этот вакф был учрежден еще в эпоху Тамерлана (1370–1405) в честь его сподвижника Лянгара, признанного святым, и еще в 1880-е гг. продолжал управляться потомками последнего. При этом мутавали (управитель вакфа) назначался лично эмиром, хотя и из представителей упомянутого семейства. Собирать доходы с вакфа мутавали помогали два амлякдара, что отражает высокий уровень его доходности. В обмен на налоговые льготы мутавали и его род были обязаны принимать и обеспечивать всем необходимым паломников, которые шли поклониться святому. Правда, как отмечает автор сведений, это отнюдь не влекло для них существенных расходов, поскольку паломники, в свою очередь, должны были делать пожертвования в знак почтения святого²⁹.

Помимо уплаты налогов, население должно было нести и определенные повинности — чаще всего по строительству и ремонту дорог, переправ и мостов. Однако большинство военных исследователей отмечает, что эта работа практически не ведется: ни региональные власти, ни местные жители не хотят заниматься ею, поскольку состояние дорог для выючного транспорта в Бухарском эмирате было вполне удовлетворительным, а на арбах они возили товары редко, так что ни в мостах, ни в переправах почти не нуждались³⁰. Ремонтные работы проводились лишь в исключительных случаях. Так, эмир в 1887 г. решил проехать от Бухары до Шаара в коляске и местным жителям пришлось починить дорогу; в том же году по требованию русских властей был починен ряд дорог и мостов, причем впоследствии сами же местные жители были благодарны русским за это³¹.

В связи с этим, пользуясь своим особым статусом в Бухарском эмирате, русские подданные и даже некоторые иностранцы (в частности, французы) стали брать многочисленные подряды на поставку леса для строительных работ. В результате истребление горных рощ в эмирате приобрело такой

²⁸ Галкин [А. С.] Военно-статистический очерк средней и южной части Сурханской долины // СГТСМА. Вып. LVII. СПб., 1894. С. 374.

²⁹ Белявский [Н. Н.] Указ. соч. С. 108–109.

³⁰ См., в частности: Галкин [А. С.] Военно-статистический очерк средней и южной части Сурханской долины. С. 381–382; Евреинов [М. Д.] Рекогносцировка путей через Джамский перевал на Гузар и на Карши. С. 117; Федоров. Указ. соч. С. 172.

³¹ Белявский [Н. Н.] Указ. соч. С. 121; Евреинов [М. Д.] Рекогносцировка путей через Джамский перевал на Гузар и на Карши. С. 117.

массовый характер, что даже российская администрация запретила эту практику своим подданным. Любопытно, что бухарские власти, вслед за российскими, «не совсем понимая его (этого запрета. — *Р. П.*) смысл», стали запрещать выдачу подобных подрядов и в отношении других местностей, где рубка леса не влекла столь тяжелых экологических последствий³².

За преступления в бекствах судили сами беки, шариатские судьи — казии, а за мелкие правонарушения — амлякдары. При этом большинство наказаний составляли штрафы. Правда, И. Т. Пославский упоминает, что за особо тяжкие преступления предусматривалась мучительная смертная казнь. В частности, за прелюбодеяние в Бухаре виновного засовывали в мешок и сбрасывали с башни Катта-Минар; впрочем, сам же исследователь отмечает, что в последнее время эта казнь практиковалась все реже и реже, но не «по причине смягчения нравов»³³, а всего лишь потому, что слишком уж была «трудна и хлопотлива процедура». Поэтому прелюбодеи чаще казнили перерезыванием горла на базарной площади, а потом тут же и вешали³⁴.

За самые страшные государственные преступления могли следовать и еще более мучительные наказания. Так, в 1888 г. был убит бухарский диван-беги Мухаммад-Шариф, любимец эмира, который приказал выдать убийцу родственникам жертвы. Последние, как описывает Пославский, подвергли его самым жестоким пыткам: вырывали ноздри и выкалывали глаза, вырезали ремни из спины, а затем привязали к хвосту лошади и возили по улицам Бухары, пока он не умер, после чего был брошен на съедение бродячим собакам³⁵.

Наконец, следует сказать несколько слов о правовом положении отдельных групп населения: этот вопрос привлекал внимание исследователей, поскольку было необходимо знать, кто в Бухарском эмирате в любом случае останется лоялен российским властям, а кто будет в большей степени поддерживать своего «природного» монарха. В связи с этим Н. Н. Белявский отмечает, что узбеки, традиционно считавшиеся привилегированной частью населения (сами эмиры и большинство знати имели именно узбекское происхождение), не смешиваются с таджиками, не вступают с ними в браки, не раболепствуют перед местными властями и смелее взаимодействуют с русскими³⁶. По сведениям А. С. Стеткевича, узбеки вытесняли таджиков с наиболее плодородных земель, объясняя это тем, что еще в XVI в.

³² Стеткевич [А. С.] Указ. соч. С. 253–254.

³³ Первый русский политический агент в Бухаре Н. В. Чарыков связывал отмену этой казни именно с русским влиянием на эмирские власти и целиком приписывал заслугу в ее отмене себе, см.: Чарыков Н. В. Беглый взгляд на высокую политику / пер. с англ. Л. А. Пуховой. М., 2016. С. 143.

³⁴ Пославский [И. Т.] Указ. соч. С. 80.

³⁵ Там же. С. 80–81. Надо сказать, что это убийство, и в особенности жестокая казнь убийцы, вызвало большой резонанс в российских кругах и об этих событиях писали в отечественных газетах и журналах, см., напр.: П. П. III. Недавняя трагедия в Бухаре // Исторический вестник. 1892. № 5. С. 466–475.

³⁶ Белявский [Н. Н.] Указ. соч. С. 107.

завоевали их силой оружия³⁷. М. Д. Евреинов сообщает, что сделать государственную и военную карьеру также могли большей частью именно узбеки и только наиболее одаренным таджикам порой удавалось достичь высоких сановных постов³⁸.

Весьма любопытно, что военные исследователи гораздо более критично, чем дипломаты, характеризуют отношение бухарцев к русским. Например, по сведениям И. Т. Пославского, почтительное и радушное отношение местные жители выказывали только тем русским, кто обладал высоким статусом и передвигался по городу в сопровождении многочисленной охраны, тогда как лица без официального статуса могли испытать грубое обращение со стороны бухарцев — брань, плевки, толчки и пр.³⁹

Заключение. Итак, анализ сведений разведчиков, отраженных в публикациях, посвященных Бухарскому эмирату и включенных в «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», позволяет сделать вывод об их ценности и объективности. Благодаря наблюдениям этих военных специалистов мы имеем в своем распоряжении сведения об особенностях функционирования системы центральных, региональных и местных властей эмирата, различных видах налогов, сборов и повинностей, особенностях судебной сферы. При этом основное внимание авторы уделяли не каким-то официальным материалам, полученным от местных информаторов из числа представителей властей, а собственным наблюдениям. Это позволяло им представить в отчетах своему руководству объективное отражение ситуации в различных сферах правоотношений, сложившейся в Бухарском эмирате. И эти сведения в дальнейшем могли использоваться имперскими властями (как центральными правительственными структурами, так и администрацией Туркестанского края, непосредственно взаимодействовавшей с протекторатом) для выработки последующей политики России в регионе.

Конечно, полностью воссоздать картину правового регулирования и судебного процесса в Бухарском эмирате исключительно на основе проанализированных сведений мы не имеем возможности, да и не ставили такой цели в рамках данного исследования. Для нас было важно установить, что они являются весьма ценным дополнением к информации из других источников — свидетельств современников, исследований специалистов, правовых памятников и пр.

По нашему мнению, материалы «Сборника...» не менее эффективно можно использовать также при исследовании правовой ситуации и в других странах и регионах Центральной Азии, входивших в сферу интересов Российской империи.

³⁷ Стеткевич [А. С.] Указ. соч. С. 245.

³⁸ Евреинов [М. Д.] Рекогносцировка путей через Джамский перевал на Гузар и на Карши. С. 122.

³⁹ Пославский [И. Т.] Указ. соч. С. 77–79.

Литература

1. Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. 295 с.
2. Колесников А. А. Русские военные исследователи Азии. Душанбе: Дониш, 1997. 246 с.
3. Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Татарское книжное изд-во, 2022. 368 с.

References

1. Baskhanov M. K. Russkie voennye vostokovedy do 1917 g. Biobibliograficheskii slovar' [Russian military orientalists till 1917. Bio-bibliographic dictionary]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2005. 295 p. (In Russ.).
2. Kolesnikov A. A. Russkie voennye issledovateli Azii [Russian military researchers of Asia]. Dushanbe: Donish, 1997. 246 p. (In Russ.).
3. Pochekaev R. Yu. Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoi imperii v tiurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noi Azii. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Chinggis' law: Legal heritage of the Mongol Empire in the Turkic-Tatar khanates and states of the Central Asia. 2nd edition, revised and expanded]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2022. 368 p. (In Russ.).